

ПЕСНЬ МАТЕРИ-СТЕПИ

12+

Закия Байгужина

Закия Байгужина

Песнь Матери-степи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51265622

SelfPub; 2025

Аннотация

Действие книги "Песнь Матери-степи" разворачивается в Семиречье (Казахстан), в годы, когда сложившийся веками уклад кочевников беспощадно разрушался и заменялся новым. Основу книги составили воспоминания родных.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Закия Байгужина

Песнь Матери-степи

Памяти моей матери, Разии Музапар, посвящаю

Глава 1

– Эй, машина, кумыс будешь?! – девчонка, подхватив подол платья, бежала по степи. Разбуженный утренний ветер, сладко потянувшись и стряхнув с себя последнюю дремоту, бросился ей вдогонку. Вскоре нагнав Асию, игриво вихрясь, стал цепляться длинными рукавами за платье и ласково трепать смолянисто-черные волосы.

Счастье, невероятное счастье переполняло девчонку. Она не знала, с кем поделиться и как сказать всему миру, как здорово, как хорошо ей. Радость от жизни, словно клубы пыли, поднятые рычащей машиной, застилала все плохое, что только могла родить эта горькая земля.

Она все бежала за грузовиком, но шум мотора медленно удалялся. Уставшая, разгоряченная, задыхаясь от бега, девчонка остановилась, в ее широко распахнутых глазах блестками отражались лучи счастья.

Голубизна утреннего неба нежно обнимала степь. Белые пушистые облака, подхваченные смешливым ветром, плыли, удаляясь за горизонт, дорожная пыль, поднятая проехавшей машиной, никак не могла скрыть и растворить их в себе. Непослушные облака весело спорили с земной пылью. По обеим сторонам дороги мягкий зеленый ковер благоухал запахом разнотравья. Яркие краски одиноких цветов крапинками орнамента рождали на нем неповторимый узор.

Вдали возвышались горы – аксакалы. Умудренные, с сединой на вершинах, они с отцовской щедростью давали земле Семиречья живительную влагу. Чистая, свежая вода бурными потоками неслась вниз и не могла успокоиться даже от равнинной безмятежности степи, ударялась о камни и, сердито шипя, продолжала свой бег. Каратал, вобравший силу от отцов гор, не замедляя своего течения, упрямо спешил утолить жажду земли.

С восхищением и трепетом смотрела Асия на могучие бескрайние просторы Семиречья, вдыхая чистый, родной аромат степи, она словно растворялась в нем, становясь ее частью, молодым ростком, впитывающим живительную силу земли...

Издали чей-то голос позвал ее. Слова тянуще зазвенели в воздухе. Девчонка обернулась, вспомнив, что апа¹ просила ее понычнуться с младшим братишкой, а она опять убежала сюда, к Матери-степи.

– Асия, Асия, – кто-то протяжно продолжал ее звать. Голос звучал еле различимо, но она узнала его. «Кажется, Каси». Еще немного постояв, словно Мать-степь не отпускала ее, побежала в сторону аула, откуда и доносился этот зов.

На пригорке стоял ее старший брат Каси. Увидев его, девчонка отбежала в сторону и стала тихонько пробираться за чужими юртами, чтобы Каси не заметил ее. Подкралась к своей. Фазиля, ее мать, молодая женщина, вот-вот ожидаю-

¹ Апа – употребляется при обращении детей к матери.

щая рождения ребенка, в белом аккуратном кимешеке² стояла возле юрты и жарила в казане. Рядом на лоскутном цветастом одеяльце, расстеленном прямо на траве, играл в асыки³ двухлетний малыш, тот самый ее братишка Хамит, из-за которого Асия сбежала. Уже издали она почувствовала вкусный запах жареных баурсаков⁴. Апа быстро бросала в горячий коптящий жир шарики из теста, вокруг них, шипя, пузырилось масло, тесто набухало, румянилось и, аппетитно округляясь, подзывало: пора вынимать. Фазиля ловко подхватывала шумовкой готовые баурсаки и раскладывала их на низком столике, что стоял рядом с коптящим казаном.

– Апа, я машину видела!

Подбежавшая Асия схватила с дастархана⁵ горячий баурсак и собралась рассказывать дальше, но мать прервала ее:

– За Хамитом кто присмотрит? – строго взглянула она на дочку.

Асия жевала баурсак, словно не слышала возмущенного голоса матери, потом взяла другой, и так же с аппетитом съела и его:

– Вкусно, – проговорила она.

Апа немного подобрела и уже не так строго сказала:

– Учись жарить баурсаки, а то у тебя все никак не полу-

² Кимешек – женский головной убор

³ Асыки – национальная казахская игра.

⁴ Баурсаки – жаренные в масле кусочки пресного или кислого теста.

⁵ Дастархан (перен.) – накрытый стол.

чается.

– Вот смотри, как это делается, – подозвала Фазиля дочь. Но девчонка сразу заскучала.

«Жарить, варить и все? – подумала она. – Но ведь на свете так много интересного». И когда апа отвернулась, быстро сбежала от нее.

Фазиля этого не заметила, она все еще жарила баурсаки и, не поворачиваясь, позвала дочку, но было поздно. Асия опять уже была далеко. Повернувшись и не увидев ее, апа возмутилась:

– Ах, негодница, опять убежала.

Огонь слабел, молодая женщина бросила несколько веток, и пламя медленно поползло по ним, пожирая сухую безжизненную листву. Они шумно потрескивали, разбрасывая брызги из горящих искр. Огонь постепенно набирал силу. Фазиля, дожаривая баурсаки, все еще думала о своей дочери: «У нее на уме только игры».

Ее отвлек Каси, он подошел к матери и виновато посмотрел на нее:

– Апа, я звал Асию, но нигде ее не нашел.

Фазиля посмотрела на сына с теплотой, он всегда старался помочь ей, быть рядом, быть нужным. Апа улыбнулась:

– Каси, поди поешь, – и подала, как ему казалось, самый вкусный, самый большой баурсак.

Он взял из рук апы жареный шарик из теста и с аппетитом съел. Ему нравилась еда, приготовленная ею. Хорошо гото-

вила и Дяу-апа. Но почему-то вкуснее, лучше ему казалась еда матери. Фазиля добавляла в нее свою любовь, тепло, и, глотая баурсак, сын чувствовал, что каждый кусочек слаще всего, что есть на свете. Родным запахом, теплом домашнего очага веяло от него.

– Асия уже убежала, не ищи ее, – посмотрев на сына, сказала апа. – Сама потом придет.

Каси сильно тянуло к матери, будто скоро что-то должно случиться, и он никогда не увидит ее. Юношу не покидало чувство надвигающейся беды, о ней, как он думал, никто еще не подозревает, и которая приближается с каждой минутой.

Опять с Каси что-то происходит, заметив его взгляд, встревожилась Фазиля. Он не мог даже матери объяснить, что с ним, и, словно проснувшись и забыв, о чем сейчас думал, взял еще один баурсак и, уже весело посмотрев на мать, вошел в юрту.

«С Муратом надо поговорить», – решила посоветоваться с мужем Фазиля, глядя вслед уходящему сыну.

Юрта Мурата была самой большой и богатой в ауле. По соседству, недалеко от нее, стояла небольшая юрта младшего брата Касена.

Было видно, что Касен не смог преуспеть в жизни, как Мурат, его серая юрта, доставшаяся ему от брата, говорила об этом. Мурат любил Касена, даже своего первенца назвал в честь него, Каси.

На почетном месте в юрте всегда сидел Мурат, вот и сей-

час, когда Каси вошел, он застал его сидящим напротив двери, рядом с ним был его дядя, Касенага. Внутри юрта была богата убрана. Двустворчатая дверь украшена узорчатой резьбой. По всей юрте кереге⁶ закрывали настенные ковры с орнаментом, на полу расстелены войлочные ковры. В юрте было прохладно. От летнего зноя, от горящего, коптящего казана, огня оказаться здесь, в тишине и уюте домашнего очага, было хорошо. Каси подсел к мужчинам, но они, занятые разговором, не обращали на него внимания. Касен, добрый, мягкий человек, совсем не походил на Мурата. Каси старался всегда быть рядом с отцом, прислушивался к нему, учился вести хозяйство. Но сейчас мужчины были заняты своими разговорами, и он, поняв, что мешает, поднялся.

– Ты что-то хотел? – только сейчас Мурат посмотрел на сына.

– Асия куда-то убежала, – не зная, что сказать, ответил Каси.

Мурат улыбнулся. Свою дочку Асию, непослушную, смелую, радующуюся жизни, он сильно баловал. Фазиля упрекала его за это. Но он ни в чем не мог отказать своей дочке: Асия жила так, как хотела, не задумываясь ни о чем. «Ее не вышибить из седла, она хороший всадник», – подумал Мурат и, обращаясь к сыну, словно повторяя слова Фазили, сказал:

– Не ищи, сама придет, – потом добавил: – Посмотри за детьми, чем они занимаются.

⁶ Кереге – деревянный остов юрты.

Касен взглянул вслед уходящему племяннику:

– Молодец Каси, понял, что нам надо поговорить.

– Что я хотел тебе сказать, – Мурат обратился к брату. –

Приезжал Мансур, его сын тоже подрастает.

Когда Асие было сорок дней, Мурат и Мансур сосватали своих детей. Мансур был самым влиятельным баем в округе, и Мурату было лестно породниться с ним. Касен все знал, но сказал другое:

– Пусть подрастут, и времена сейчас другие, посмотрим, что будет.

Мурат помолчал, словно обдумывая свое.

– Да... не знаешь, что завтра будет. Пусть немного уляжется, а там решим. И Мансур не возражает, – согласился Мурат.

– Новая власть, – немного подумав, продолжил Мурат, – дала нам, казахам, то, о чем уже много веков мечтает весь народ, – объединение. Ведь мы одна нация, которая была разделена помимо нашей воли. Семиречье испокон веков земля степняков. Новая власть с красными флагами и в кожанках мудрее оказалась. Они поняли самую суть... душу нашего народа, чем мы живем, чем дышим... нашу боль... Получается, новая власть дана на благо народа, она за степняков.

Мурат замолчал, обдумывая слова.

– Эта власть смогла объединить нас. – Потом усмехнулся, словно вспомнил проделки глупого ребенка: – Хотя был маленький грешок, землю было решили забрать, но позже

поняли, без нас ничего не получится. Мы свою землю знаем, чуем ее, и она нас принимает, нельзя с ней, как с чужой, неродной. Другие, пришлые, не понимают этого. Наша земля живая, она как дитя, ее можно обидеть... Она, словно натянутые струны домбры, чувствует прикосновение. Безразличие... и звук резкий, скрипучий, а прикоснись по-доброму, с теплотой, и запоет домбра, и полетит песня по степи, и услышат все ее боль и тоску. – Мурат помолчал. – Так и наша земля. Обидишь, и перестанет она родить, и не будут наливаться сочной травой луга, реки обмелеют, и задохнется от жажды степь... наша кормилица.

Касен слушал внимательно, запоминая его слова.

– Да, нынешняя власть не против народа, понимает, что нам, степнякам, надо.

Мурат поверил новой власти, или хотел верить...

– Степь видит чужаков, равнодушных. Это земля наших предков, и память о них лежит в ней. Мы обязаны беречь ее, передавать любовь к ней своим детям и наказать им, чтобы передавали любовь к нашему краю уже своим детям. Она всех вырастила... и береги Аллах ее от самой страшной беды на земле – человеческой глупости. Аминь. – Мурат сложил руки и стал читать молитву.

Касен молчал. Он понимал – то, что говорит Мурат-ага, не дает ему покоя. Но жизнь обманчива, и это тоже знал Мурат.

Их отец Кудайменде много лет был волостным. Это был уважаемый в округе человек. Свое имущество он разделил

между тремя сыновьями, старшим Вали, Муратом и Касеном. Мурату, как и его братьям, досталось десять лошадей, пятьдесят баранов и стадо коров, но он смог приумножить живность, и сейчас его огромные стада паслись по бескрайней степи. Казалось, трава, сколько бы ее ни ощипывали отары овец, никогда не исчезнет. У Вали скота было меньше, чем у Мурата, поэтому, наверное, он не хочет общаться с ним, так думал Мурат. Вали вот уже несколько лет не приезжал в аул отца, он жил сам по себе, и в семье Мурата его вспоминали все реже и реже. Со старшим братом у него не сложились отношения. Наоборот, с Касеном они жили дружно, но у младшего брата не получилось увеличить наследство, как ни старался, сколько Мурат ему ни помогал, доставшаяся ему животина все уменьшалась. Оставшийся у него скот теперь пасся вместе со стадами Мурата. В степи без помощи родных ох как трудно. Многие даже подозревали, что у Касена давно уже ничего нет, и только Мурат ему помогает. Жену Касена звали Шолпан, это была очень высокая и грузная женщина, за что дети Мурата прозвали ее Дяу-апой. Своих детей у нее не было, и Салиха, дочка Мурата, часто убегала к ней. Шолпан и Касен хотели ее забрать, но Мурат не разрешил, и Салиха, четырехлетняя девочка, то жила в юрте отца, то убегала в соседнюю юрту к Дяу-апе. Шолпан ее сильно любила, маленькая Салиха свою мать побаивалась, суровая и всегда занятая Фазиля не любила на людях показывать свои чувства к детям. Но за суровой

внешностью скрывалась любящая мать. Она ревновала, обижалась по-детски, что Салиха все старается убежать от нее. Фазиля тихонько жаловалась мужу, почему дочка не хочет ее признавать. Мурат только посмеивался и успокаивал жену: «Подрастет и все сама поймет».

Зашла Фазиля, ее живот сильно выпирал под платьем. Касен понимающе посмотрел на Мурата:

– Уже скоро?

Мурат усмехнулся:

– Скоро.

Фазиля принесла блюдо с баурсаками, потом, окликнув Майру, свою помощницу, попросила принести самовар, который та растопила на улице, и чайник. Слегка переваливаясь, молодая женщина достала пиалы, затем молоко, иримшик⁷ и положила на дастархан. Пока отец с братом беседовали, Асия, сбежав от апы, спряталась, потом увидела, как мать зашла в юрту, а за ней Майра понесла самовар. Асия подбежала к лошади, стоящей на привязи. Белая, с густой гривой, та беспокойно перебирала копытами, остерегаясь этой девчонки, не понимая, что у нее на уме. Это была лошадь отца. Оглядываясь вокруг, чтобы никто не заметил и не остановил ее, Асия сунула ногу в стремя и быстро вскочила на коня, забыв отвязать поводья, и теперь, уже на лошади, поняв это, наклонилась и, не слезая, пробовала развязать узел. Но отец крепко привязал своего коня.

⁷ Иримшик – продукт, приготовленный из молока.

Каси, посидев немного в юрте Дяу-апы и устав слушать ее жалобы на больные ноги, решил, что отец и дядя уже говорят о чем-то другом, и ему можно к ним, пошел в юрту. Во дворе он увидел сестренку, которая отчаянно пробовала развязать тугой узел.

– Как хорошо, что ты здесь, Каси, – Асия уже забыла, что убежала и пряталась от него. Девчонку сейчас больше волновало, как бы отец не вышел и не увидел ее верхом на своей лошади.

– А ну слезай! – приказал Каси. – Иди к апе и помоги ей.

– Апа ушла в юрту, уже не надо помогать, – немного струхнув от серьезного вида старшего брата, робко промолвила сестренка, но с лошади не слезла.

– Кто тебе разрешил садиться верхом на лошадь? – строго, почти как апа, спросил брат. Асия поняла, что от Каси никакого толку не будет, он ей не поможет, и, уже не обращая на него внимания, не слезая с коня, опять принялась развязывать поводья.

Из своей юрты, переваливаясь на больных ногах вышла Дяу-апа. Асия, чуть не вываливаясь из седла пробовала развязать тугой узел.

– Каси, что же ты не поможешь? – упрекнула Дяу-апа подростка.

«А что, на самом деле, пусть катается». Он посмотрел на сестренку, глаза у нее горели, ей так хотелось туда, в такую манящую родную степь. Весь аул знал, что дочка Мурата лю-

била мчаться на лошади по бескрайним просторам Семире-
чья. Степь была недовольна, что какая-то девчонка посмела
потревожить ее покой, но потом успокаивалась.

Асия краем глаза посматривала на брата. «Поможет он,
наконец-то?»

Дяу-апа направилась к девчонке:

– Давай я тебе помогу, доченька, – но Каси опередил ее и,
развязав узел, отдал поводья сестренке.

– Сильно не подгоняй коня, – но, посмотрев на нее, понял:
«Все равно не послушается, и в кого она такая?»

Как и предполагал Каси, девчонка уже не замечала бра-
та, натянула поводья, лошадь, почувствовав опытного седо-
ка, ждала, уже уверенно, когда нужно рвануть вперед.

«Опять за свое», – подумал Каси и крикнул всаднице:

– Осторожно!

Старший брат видел, как лошадь развернулась и понесла
Асию. «Хорошо держится».

Девчонка ударила камчой по крупу, из-за чего лошадь,
взбесившись, понеслась галопом в открытую бескрайнюю
степь: ведь впереди манящий простор, воля и ясное родное
небо.

Асия представляла, что она сейчас... нет, нет, не на лоша-
ди, она там, в том грузовике, который скрылся за клубами
пыли далеко за горизонтом...

Сейчас она чувствует, ощущает ту скорость, тот бег, но
только не на лошади, она там, в кабине, сидит и управляет

такой большущей машиной, ведь она все умеет, все может! Ударив лошадь еще раз камчой, девчонка направила ее на дорогу, по которой проехала машина. Степной ветер хлестал ее по лицу, но она и не пряталась, ведь она ничего не боится, ее туго заплетенные косы с шолпы⁸ на концах мотались в разные стороны, перезваниваясь каким-то внутренним ритмом.

И все это – чистое голубое небо над головой, земля, рождающая бархатный ковер из трав, и дорога, уносящая ее, дарило невероятную легкость и ощущение благодати. Асия любовалась, восхищалась и гордилась собой: вот она какая! Это она сидит в той машине, это она управляет ею. Пусть все видят, какая она. Девчонка направила лошадь в аул. Опытный конь, только таких выбирал себе Мурат, чувствовал умелого всадника и послушно выполнял команды. Влетев в аул, девчонка хлестнула жеребца еще сильнее, и встречные люди, крича и ругаясь, разбегались перед несущейся лошадью:

– Опять эта дочка Мурата творит все, что ей взбредет в голову, – возмущались аульчане, при этом норовили поскорее отойти подальше.

Пыль, поднятая с земли, уже окутала их, и они еще больше злились.

– Аке, аке⁹! – громко стала звать своего отца Асия. Ей так хотелось, чтобы он увидел ее, такую смелую, ничего не

⁸ Шолпы – украшение для кос.

⁹ Аке – отец.

боящуюся.

Мурат услышал, как зовет дочка, вышел вместе с Касеном из юрты. Асия знала, как отец гордится ею. «Такая бесстрашная, отчаянная, храбрая, это его дочь». Девчонка верхом на лошади неслась к нему. Подтянув ремни и остановив коня, Асия соскочила с лошади, отдала поводья поденщику, работавшему у них, и побежала к отцу:

– Аке, вы видели, как я умею ездить на лошади. Здорово?! Да?! Аке, потом мы вместе будем так ездить?

Мурат усмехнулся:

– Айналайын¹⁰, мне уже много лет и так ездить у меня не получится.

– Аке, я вас научу, я вам помогу, вы только не бойтесь. Аке, вы мне только скажите, если ваш конь не будет слушаться, я смогу остановить его. – Асия не знала, как выразить все свои чувства к отцу.

– Ну, если ты будешь рядом со мной, – Мурат погладил дочку по черным, взлохмаченным от езды волосам, – тогда посмотрим, а сейчас иди в юрту и помоги матери. Неусидчивой Асие, разгоряченной от бешеной езды, сейчас так не хотелось этого, ведь она еще многое не показала отцу из того, что умеет, а тут надо идти в юрту и помогать. Девочка разрывалась между своим нехотением и боязнью послушаться отца, счастливая улыбка медленно таяла на ее лице.

– Апа опять будет меня ругать, ей не нравится, как я го-

¹⁰ Айналайын – милая.

товлю, – стала жаловаться на мать Асия. Апу, строгую, порой сердитую, она не боялась, но перечить отцу не решалась. Мурат никогда ее не ругал, но в нем чувствовалась властность, идти против которой девчонка побаивалась. У них работали несколько поденщиков, и Асия видела, что они во всем слушались отца, родные тоже: Касен-ага, апа. Что он ни скажет, для всех его слова были законом. И сейчас, когда отец сказал, что нужно помочь, внутри нее все говорило «не хочу, не пойду», но Мурат взял ее за плечи и она, понунив голову, стихла.

В юрте Фазиля, сидя за круглым столом на низких ножках, привычно лепила беляши. Она всегда была занята, в юрте у нее было чисто, все прибрано. Она не любила, когда дети разбрасывали вещи, и поругивала их за это. И ей всегда хотелось вкусно накормить своих детей и мужа, чтобы они были сытыми, словно должно было произойти что-то страшное, и она желала, чтобы они на всю жизнь запомнили вкус ее еды.

– Вот тебе помощница, – войдя в юрту вместе с дочкой, обратился Мурат к жене, – пусть будет рядом с тобой, учится готовить, а то Мансуру не понравится такая невестка.

Фазиля посмотрела на мужа, за много лет жизни с ним она понимала его по взгляду, по движению бровей, по жестам, и сейчас, несмотря на немного суровое лицо, его выдавали чуть прищуренные глаза с неуловимым блеском, который она хорошо знала.

– Да только проку от нее никакого, – взглянув на мужа

и поймав все ту же усмешку в его глазах, Фазиля опустила голову, чтобы не выдать себя улыбкой:

– Хорошо, садись рядышком и начинай лепить, но только вот эту дырочку, – Фазиля опять взглянула на Мурата, потом пальцами расширила отверстие в середине беляша, – делай побольше.

Асия с неохотой присела за стол. Вокруг него была расстелена кошма¹¹, а сверху войлочные ковры, рядом стоял низенький стульчик – место для отца. Когда все рассаживались за дастарханом, аке обычно садился на него, а остальные: дети, родственники, апа усаживались рядом, но сейчас это место занимал Каси, около него разместились Бари и Салиха. Каси что-то объяснял детям. Фазиля, уже с сильно выпирающим животом, как обычно, занималась стряпней. «Вот оно тихое семейное благополучие», – подумал Мурат, и на душе у него стало спокойно. Ради них он все и делает, чтобы в доме был достаток.

– Я проверю, как дойка идет, – сказал он жене и вышел.

Асия усердно лепила, но поглядывала на Каси, как он учит писать Бари и Салиху. Когда-то отец пригласил муллу обучать старшего брата грамоте и молитвам. Для муллы в доме на зимовке Мурат отвел одну комнату, а после зимних дней обучения подарил две лошади. Мулла остался доволен подарком. Мурат хотел, чтобы мулла занимался и с другими детьми, но, как он понял, нужно было платить в два раза

¹¹ Кошма – войлок из овечьей или верблюжьей шерсти.

больше, и поэтому решил, пусть Каси обучится, а потом научит и всех остальных.

Бари было семь лет, а Салихе всего четыре года, еще маленькие и им трудно давалась учеба. С Асией и Зульфией Каси занимался отдельно, они уже умели писать и читать, с ними он учил молитвы. Мурат всегда говорил, что умеющий писать и читать в жизни не будет слепым, он никогда не пропадет. Каси эти слова запомнил, он сам уже стал заниматься и уже научился говорить по-русски. Сейчас из-под карандаша у него выходила красивая арабская вязь. Буквы ложились одна за другой. Он не писал буквы, а рисовал, представляя каждую каким-то зверьком; вот мчится кулан, за ним бежит одинокий волк, вот он нагнал кулана, но почему-то взял и обежал его, и буквы, обходя друг друга, продолжали ложиться в строку. Каси посмотрел на Бари и Салиху и подумал о том, что их надо дальше учить. Взяв кончик карандаша в рот, послунявив его, чтобы лучше писалось, Каси стал старательно выводить буквы. Бари с Салихой наблюдали, как у него красиво получается. Маленькая Салиха пробовала делать закорючки, но Каси, недовольный, заставлял ее по несколько раз переписывать на листке бумаги. Апа лепила баурсаки и наблюдала, как Каси учит детей. Салихе было трудно, она уже очень устала и не справлялась.

– Каси, Салихе достаточно, пусть поиграет, – сказала апа. Девочка обрадовалась, что ей можно уйти и что закончились эти мучения. Она радостно поднялась и побежала к сво-

ей любимой Дяу-апе, которая не заставляла ее что-то выводить на бумаге.

Бари, проводив взглядом сестренку, которая быстро убежала, надеялся, может, апа его тоже отпустит. Тем временем Каси, недовольный братом, взял его руку с карандашом и стал выводить буквы. У Бари стало получаться.

– Дай я сам, – отодвинув руку брата, Бари стал выводить бегущую вязь. – Оказывается, совсем не трудно, – удивился он.

– Апа, смотри, я сам написал, – и, быстро поднявшись с ковра, на котором сидел, он гордо показал листок матери. Апа скупно хвалила детей, если у них что-то получалось, и в этот раз она просто обняла сына:

– Вот как быстро Каси тебя научил.

Каси, услышав, что его похвалили, позвал брата:

– Давай продолжим.

Бари казалось, что Каси такой же, как отец, даже ходил прямо, гордо. Но только не знал он, что Каси старается во всем подражать отцу. И сейчас старший брат хмурил брови, прищуривал глаза, представляя, что он уже взрослый. Бари знал, отец гордился ученостью Каси, ведь его брат умеет писать и читать, знает молитвы. И как ни трудно было семилетнему мальчишке, он терпеливо повторял за старшим братом. Он хотел стать таким же, как Каси, и чтобы отец тоже гордился им. Бари с нескрываемым восхищением смотрел на брата. Юноша заметил это и все больше стал напускать на

себя строгость. «Вот зашел бы сейчас отец, и увидел, какой я, – мечтал Каси. – Не зря же аке отдал две лошади мулле за обучение», – это он знал и понимал, дорогую цену заплатил отец, чтобы его сын стал грамотным.

Он выводил буквы, и ему все больше нравилось, как из-под его карандаша выходит узорная вязь: словно тонкими ручейками, буквы переливались в слова. Увлечшись, он опять не смотрел на Бари, а сочинял предложения.

Фазиля лепила беляши, раскатывала лепешки из теста и поглядывала на детей. Она гордилась ими и, как всякая мать, очень сильно любила их. Но что-то смутное, тревожное не отпускало ее. Будто сейчас налетит страшный смерч и все сметет, отнимет у нее детей, и почему-то там, где сидели дети, матери мерещилась голая безжизненная земля. Она с испугом отогнала видение. Фазиля боялась похвалить детей, даже мысленно, и тем самым накликать на них беду. И опять, в который раз, она подавила в себе слова любви, опасаясь, что так разозлит того, кто найдет им страдания. И как делала когда-то ее мать, Фазиля поплевала в сторону детей, приговаривая:

– Суф, суф, – чтобы и уберечь их, и разогнать злых духов.

– Апа, ты чего? – Бари так увлекся, что не понял, случилось. Его одернул Каси. Он знал и понимал, зачем мать так делает.

– Пиши, тебе еще три строчки надо написать, – строго посмотрев на брата, сказал Каси. Во взгляде сына Фазиля уви-

дела глаза Мурата.

«Как сильно он похож на отца», – подумала Фазиля.

Постепенно смутные мысли рассеялись, и ей опять захотелось прижать всех детей к себе и сказать, что она любит их, но она не сделала этого. Фазиля всегда скрывала свои чувства к детям, опасаясь чего-то в будущем, и только желанием сытнее накормить их показывала, как они ей дороги. Но эти мысли... Фазиля не понимала, почему они преследуют ее, рассказывала про это Мурату, но он только посмеялся над ней. А может, прав Мурат, «каждая мать боится за своих детей», и с ней тоже происходит такое, подумала Фазиля.

Асия ни на кого не обращала внимания, лепила беляши и ждала, когда же, наконец, закончится это тесто. У нее они получались кривые, бугристые, и Фазиля понимала, что придется переделывать, и, чтобы Асия этого не видела, отпустила ее, а сама брала налепленные дочкой беляши, придавливала их, прижимала по бокам, и вот под руками матери еще не поджаренные беляши уже получались аппетитными.

Асия, как ей казалось, отпущенная на волю, увидела свою подружку Калжан и побежала к ней. На джайляу¹² аулы Мурата и Мансура были рядом. Места хватало всем, плодородная земля Семиречья могла прокормить огромные стада обоих аулов. Пасущиеся отары уходили вдоль по склону, затем спускались в лощину, и везде росла жирная, сочная трава. Аул Мурата был небольшой в сравнении с огромным хо-

¹² Джайляу – летнее пастбище.

зьяйством Мансура, поэтому он был не против соседей, да и повеселее так. Калжан была дочкой Батыржана. Ее отец часто навевывался к Мурату, у них было почти одинаковое количество голов скота. Аул Батыржана кочевал вместе с аулом Мансура, они были из одного рода. Мансур будто чуввал, где поспеваает, наливаается соком зрелая трава и отправлял туда свои многочисленные отары овец и табуны лошадей.

Свою дочку, Калжан, Батыржан баловал. «Да как не баловать, – думал он. – Вот выдашь ее замуж, а потом как сложится жизнь в замужестве, неизвестно. Уедет в другой аул, нарожает детей, и жизнь пройдет в заботах о муже и семье». И он решил сам искать ей будущего мужа, присматривался к Каси. Ладный, хозяйственный, как Мурат, он ему нравился. Но с самим Муратом пока разговор не заводил.

Калжан обрадовалась, увидев свою подружку:

– Пойдем на Каратал.

Асия, как ей казалось, устала от нудной стряпни, хотелось чего-то живого, интересного, и подружки, недолго думая, отправились на Каратал. Вода в реке шумела, мчась между камнями, изворачивалась, словно змея, и закручивалась во-круг валунов, неся свои бешеные потоки по степи, орошая и давая жизнь запрятанным в земле семенам.

– Смотри, бревно зацепилось.

Ствол старого поваленного дерева ветками держался о камень и, подбрасываемый бурными потоками, норовил сорваться. Асия загорелась:

– Давай на нем покатаемся.

В своем воображении девчонка уже представила, что это конь лежит на берегу, отдыхает, а она сейчас вскочит на него, ударит камчой, и жеребец вострепнется и помчит ее по степи. Асия взобралась на бревно верхом, ногой оттолкнула камень, и старый ствол сорвался под бурными, стремительными потоками воды. Беспомощное бревно поймала бешеная река и уносила его все дальше, на середину Каратала. Калжан на берегу испуганно закричала:

– Асия! Асия!

Девчонка оглянулась, и бревно, на котором она сидела, ударившись о встречный камень, перевернулось: Асия оказалась в бешеном потоке реки. Она не могла кричать. С трудом зацепившись за бревно, девчонка еле удерживалась на воде, холодные колючие брызги хлестали по лицу и рукам. Сильная пенная волна, ударив еще раз по рукам, вырвала бревно. Асия стала пытаться плыть к берегу, но сильные потоки сбивали ее. Впервые в жизни она испугалась. Девчонке было непонятно, как это произошло, и почему с ней, ведь она никому не сделала ничего плохого, все ее любили, и она любила всех... Почему река выбрала ее? Водные потоки уносили ее, уже слабеющую, неужели это конец... И девчонка словно проснулась от манящего вечного успокоения, снова начала грести руками, стараясь поймать ветки ив, росших по берегу реки. Калжан кричала, звала на помощь.

На пригорке мирно паслась отара овец, рядом был маль-

чик-пастушонок. Услышав крик о помощи, взглядываясь вдаль, он увидел еле различимый в легком тумане силуэт мечущейся девчонки и понял, что случилось страшное. Бросив пасущихся овец, мальчишка быстро побежал на крик к речке. Он знал, между двумя изгибами река успокаивалась, а пройдя этот рубеж, бурный поток опять набирал силу. Раньше он водил туда отару овец на водопой, там самое безопасное место. Только добежать! Босые ноги хлестала колючая трава. Увидев тонущую Асию, мальчишка спрыгнул с крутого обрыва в бурлящие, цепкие волны. Руки не давали безжалостному потоку сбить его. Мальчишка наперекор всему упорно плыл, с трудом преодолевая несущуюся на него сильную воду.

– А ну, отпусти меня!! Я тебе покажу! – девчонка угрожающе колотила по воде.

Приблизившись к ней, мальчишка крепко схватил ее и, держа одной рукой, другой продолжал грести. Река словно теряла силы и больше не мешала плыть, и свершилось чудо: они смогли добраться до берега. Оба мокрые, уставшие, выйдя из воды, обессиленно опустили на землю. Казалось, что прошла целая вечность. Река отпустила... Асия, уткнувшись головой в мокрые колени, дрожа от холода, смотрела на реку и шептала: «Плохая река, плохая река».

– Чего ругаешься? – мальчишка отер мокрое лицо. – Зачем полезла в речку, ведь не умеешь плавать. Раньше бы Асия дерзко ответила на такие слова или даже не стала от-

вечать, а полезла в драку, если кто-нибудь так с ней разговаривал, но сейчас не было сил. Подбежала Калжан, волнуясь и глотая слова, стала оправдываться:

– Она хотела у берега на бревне поплавать, а его унесло далеко, на середину реки. Мы же не знали.

Мальчишка обернулся к Асии, продрогшей от холодной горной воды, и спросил:

– Как тебя зовут? – Не дожидаясь от девчонки ответа, сказал: – А меня зовут Жангир.

Глотая слезы, Асия назвала свое имя.

Овцы, пощипывая траву, разбрелись в разные стороны, собака в отсутствие хозяина мирно посматривала на стадо, лениво позевывая и не думая собирать отару, считая, что ее дело охранять овец от волков, а не бегать за глупыми овцами.

– У меня нет времени с тобой тут сидеть, – и, поднявшись с земли, весь мокрый, мальчишка побежал к отаре стогнать овец.

Сидя на земле, озябшая Асия не понимала, как сейчас она могла утонуть, ведь она так любит жизнь, а жизнь оказалась такой беспомощной и слабой перед рекой, что вот так просто могла отдать ее.

Калжан не знала, что делать, и побежала в сторону аула. Увидев отца Асии, она стала, плача и крича, рассказывать, что произошло на Каратале. Мурат все понял и, не дослушав девочку, вместе с Касеном отвязали своих лошадей, что стояли на привязи, и, сев верхом, быстро поехали к речке.

Асия все так же сидела на берегу, с мокрых волос каплями стекала вода. Съежившись в комочек, она удивленно смотрела на бурлящие и, как оказалось, жестокие к ней потоки воды.

– Асия! – Мурат громко окликнул дочь и быстро спрыгнул с лошади.

Увидев подбегающего отца, девчонка поднялась и, мокрая, озябшая, уткнулась лицом в такой теплый родной чапан¹³

– Аке, аке, – плача твердила она.

Мурат не хотел верить, что его дочка, эта бесшабашная Асия могла сейчас утонуть. Он гладил ее по мокрым волосам.

– Все хорошо, дочка, все хорошо, – повторял отец.

Асия разрыдалась, размазывая слезы по лицу. Давно он не видел слез своей дочери и ее всхлипывающий плач. Плач прозрения и беспомощности перед жизнью.

Отец посмотрел на дочь и понял: она сейчас первый раз в жизни испугалась. Смелая, бесстрашная Асия, никто не видел ее такой растерянной и испуганной. Она плакала, та самая девчонка, которая ничего никогда не боялась, она почувствовала, что осязаемо встретилась со смертью...

Мурат ласково гладил ее по голове, и Асия постепенно успокаивалась, она чувствовала, понимала: что бы ни случилось, ее отец всегда будет рядом, он ее любит и не предаст,

¹³ Чапан – верхняя национальная одежда.

как сейчас это сделала река. Мурат попросил брата позвать мальчика, который спас его дочь. Касен, сев на лошадь, поехал к пасущейся отаре овец. Мурат видел, как Касен слез с коня и подошел к пастушонку. Мокрый, дрожащий от холода, мальчишка стоял перед братом, не соглашаясь, качал головой. Мурат понял, мальчишка не хочет подходить. Отец обнял дочку, укрыл полой чапана, и они вместе пошли к пастушонку. Подойдя к нему, Мурат спросил:

– Ты чей сын?

– Мой отец Балгабек, но он умер, – не робея перед отцом Асии, сказал мальчишка. Мурат припомнил сапожника Балгабека, его отец, Кудайменде, заказывал у него сапоги себе и своим детям, и всегда говорил, что лучшего сапожника во всей округе нет.

– Так ты сын Балгабека, – задумчиво сказал Мурат. Потом, помолчав, спросил:

– Это ты спас Асию?

Мальчишка молчал, и Мурат, не дожидаясь ответа, попросил Касена, чтобы он забрал лошадей и нашел человека, который побудет с отарой овец.

– Пойдем с нами в аул, – Мурат уже повернулся, чтобы идти, но мальчишка упрямо продолжал стоять.

– Пойдем с нами, – из теплого чапана отца показалось измазанное лицо Асии:

– Не бойся, с овцами ничего не случится.

Укрывая дочку полой чапана, Мурат спросил у мальчиш-

ки:

– Ты у кого живешь?

Мальчишка в мокрой одежде сильно озяб, и, чтобы этот бай не заметил, как стучат от холода зубы, медленно сказал:

– У старшего брата, Сырым-аги.

– У тебя есть братья, сестры?

Мурат не замечал, как мальчишка продрог, степной ветер обдувал его. Жангиру становилось все холоднее, ему с трудом удавалось произносить слова, но он не показывал вида:

– Да, у меня еще есть брат, Нурболатом зовут, брат Ахмет, и сестра Айгуль, но ее недавно выдали замуж, сейчас живет в другом ауле.

– Аке, – выглянула из-под полы чапана Асия, – он замерз, укрой его тоже.

– Не надо, – мальчишка остановился, прикрывая себя руками, стараясь согреться.

– Иди сюда, – Мурат распахнул другую полу чапана.

– Иди же скорее, – поторопила Асия, – согреешься.

Мальчишка, исподлобья поглядывая на бая, медленно подошел, Мурат укрыл его полкой чапана, как и свою дочь.

– Сейчас согреешься, – выглядывая из-под чапана отца, сказала девчонка.

Жангир почувствовал наконец долгожданное тепло. Чумаза девчонка улыбалась, в глазах мелькали озорные огоньки. Она уже забыла, как река хотела забрать ее.

Под чапаном отца Асия чувствовала себя укрытой от бед,

они были как крылья птицы, которые согревают и защищают своих птенцов. Асия была счастлива, что отец рядом и сильно ее любит, и опять все заиграло яркими красками – и небо, и река, она просто, глупая, не понимает, что Асия всех любит, как хорошо, что у нее такой отец. Мальчишка согрелся и теперь уже охотно рассказывал о себе. Он был из аула Мансура, его брат Нурболат год назад окончил школу. Жангир с гордостью говорил о своем брате.

– А, это он сбежал на учебу?

По степи вести распространяются быстро, и Мурат когда-то слышал об этом.

– Да, Нурболата не отпускали, он сам записался в школу.

– Ну, ну, – произнес Мурат, а сам подумал: «Теперь беднякам можно учиться, а кто работать за них будет, как кормиться они собираются? Или только своей ученостью хвастаться? Посмотрим, что у них получится».

Мальчишка поглядывал на Мурата: как ему захотелось иметь такого отца, чтобы он, как эту чумазую девчонку, закрывал своим чапаном.

Вскоре они добрались до аула. Белую юрту Мурата было видно издалека. Жангир знал, что такие бывают только у баев. У них в ауле, у Мансур-аги и Батыржан-аги, тоже были белоснежные юрты с узорчатой лентой и кисточками поверх туырлыка¹⁴. Вспомнил юрту старшего брата, покрытую грязным войлоком и обтянутую бечевками, продуваемую со всех

¹⁴ Туырлык – войлочное покрытие юрты.

сторон. Не думал Жангир, что когда-нибудь войдет в белоснежную юрту.

– Вот, пришли, – Мурат, словно сложив крылья птицы, снял с детей полы халата.

Асия сразу же вбежала в юрту, мальчишка, переминаясь, не знал, что ему делать.

– Входи, – улыбаясь, сказал Мурат и легонько подтолкнул мальчишку вперед. Выбежала чумазая девчонка с лепешкой в руке:

– Пойдем, апа тебя зовет.

Жангир нерешительно вошел в юрту. Убранство мальчишку поразило, он никогда не видел такого богатства. Красивые, яркие тускиизы¹⁵ украшали боковины юрты. Дорогие цветные, узорчатые ковры были постелены поверх кошмы, конские седла, висевшие слева, были украшены кожей и серебром. Деревянная кровать усыпана узорчатой резьбой. Нет, Жангир даже не представлял, что такое бывает, что в такой красоте могут жить люди. Приветливая женщина сидела на стульчике и расшивала камзол¹⁶. «Наверное, это для чумазой девчонки», – подумал Жангир. Рядом с женщиной сидел малыш. Увидев отца, он побежал к нему навстречу, радостно лепеча:

– Я, я, я.

Мурат подхватил ребенка и прижал к себе. Малыш все

¹⁵ Тускииз – настенный войлочный ковер.

¹⁶ Камзол – женский казахский удлиненный жилет.

лепетал, наверное, рассказывал что-то отцу на своем, только ему понятном языке. Фазиля отложила камзол и осторожно поднялась, придерживая живот, посмотрела на мальчишку, который, весь мокрый, стоял рядом с Муратом. Асия тоже была в мокрой одежде, с грязным лицом. Наверное, плакала, поняла Фазиля.

– Асия, что случилось?

Девчонка открыла шкаф, достала иримшик, запихала в рот и, еще не пережевав его, собралась ответить. Но Мурат сам рассказал обо всем, что произошло, и в конце добавил:

– Не будь этого мальчика, неизвестно, что могло случиться.

Фазиля испугалась за дочку, потом подошла к Жангиру, потрогала его волосы:

– Сейчас дам тебе во что-нибудь переодеться.

Она быстро нашла в сундуке сухую одежду. Мальчику дала одежду Каси, Жангир мялся, не зная, где переодеться.

– За ширму зайди, – сказала женщина и помогла закрыть ее. Асию она отправила на улицу помыть лицо и руки. Жангир вышел из-за ширмы. Одежда на нем висела, вещи Каси были великоваты. Но мальчишка улыбался, у него никогда не было такого теплого чапана и сапог. Пришла девчонка, умытая и причесанная, мать дала ей одежду, она тоже переоделась. Эта чумазая оказалась красавицей! Белое платье с густой оборкой, сверху красный расшитый камзол, сапожки, в косах звенели шолпы. Он смотрел на нее, не отры-

вая взгляда, Асия не обращала внимания на него. Фазиля собрала мокрую одежду и отдала помощнице Майре постирать. Мурат сел на одеяле, расстеленном поверх ковра возле стола, и подозвал Асию и мальчишку. Фазиля накрывала дастархан, заставляя его множеством угощений.

– Не сиди, кушай, – Мурат подвинул к мальчишке большую пиалу, наполненную иримшиком. Голодный Жангир хотел быстрее схватить еду, но сдерживался, ждал. Фазиля улыбнулась:

– Кушай.

Жангир осторожно взял кусочек иримшика, и тот быстро исчез во рту.

– Как тебя зовут? – спросила женщина.

– Жангир.

– Вот и кушай, Жангир, – по-доброму, мягко сказала мать Асии.

Жангиру хотелось все сразу положить в рот, но он бережно брал со стола, ничего вкуснее он никогда не ел. Иримшик рассыпался, как только мальчишка прикоснулся к нему, жирные сочные беляши таяли во рту. Жангир не знал, сколько их съел, казалось, что он не сможет остановиться.

Фатима, жена Сырыма, его старшего брата, из муки, которую ему давали за работу, готовила немного лепешек и делила на всех. Этим нельзя было насытиться. Жангир старался есть, не торопясь, но голодные глаза выдавали его. Асия только пила крепко заваренный чай с молоком, иримшик пе-

ребил ей аппетит. Мурат смотрел на дочку и благодарил Аллаха, что не случилось беды.

Пришла Майра и принесла постиранные вещи мальчика, но они были еще мокрые. Мальчишка встал, решив, что нужно переодеться. Мурат остановил его:

– Эта одежда пусть останется у тебя.

Фазиля достала из сундука полотенце, положила курт¹⁷, лепешки, иримшик, плитку твердого чая и, завязав узелком, подала Жангиру:

– Дома поешь.

– На пастбище не ходи, овец, наверное, уже перегнали в аул, – сказал Мурат, когда мальчишка направился к двери.

Жангир совсем забыл про овец. «Надо еще их пересчитать». Жумабек, помощник Мансура, всегда к нему придирается, и мальчишка с узелком в руке побежал в аул.

Стало темнеть. Фазиля убрала со стола посуду, угощения, потом стала стелить всем постель. Ей помогала Асия. Быстро управившись, несмотря на выступающий живот, мать попросила дочку позвать детей. Ночная прохлада, обволакивая невидимой пеленой, дарила свежесть, одурманивала, вызывая дремоту. И вскоре они, раскинувшись на мягких лежанках, крепко спали.

Фазиля поправляла сползшее одеяло, прикрывала разметавшихся в постели детей. Хамит спал беспокойно. Мать осторожно прилегла рядом, малыш во сне встревоженно ле-

¹⁷ Курт – продукт, приготовленный из молока.

петал, апа тихо его укачивала, и он, почмокав губами, успокоился.

Землю окутывала ночь. Только толпы собак и овцы в загоне нарушали тишину. Свет далеких звезд на ночном небе через открытый шанырак¹⁸ добирался до земли. Мурат лежал на кровати, смотрел на них, но думал совсем о другом. Запах родной земли, прохладный ночной воздух навевали воспоминания. Рядом с Хамитом чутко спала Фазиля, его любимая, единственная Фазиля. Скоро она подарит ему ребенка. Он помнил, как впервые увидел ее. Как-то в дороге ему пришлось остаться на ночлег в одном татарском селении. Утром, выйдя на улицу и оглядывая незнакомые дома, непривычно выстроившиеся в ряд, он увидел девчонку, которая недалеко от него играла с мальчишками в асыки. Она смеялась, весело поблескивали черные озорные глаза, когда она выигрывала, словно весь мир радовался вместе с ней. Девочка так увлеклась игрой, что не замечала внимательного мужского взгляда, устремленного на нее. Через несколько лет он посватался, заплатив хороший калым ее отцу. Мурат распорядился, чтобы Фазилю привезли к нему в аул на белом верблюжонке. Ее отец называл свою дочку казаркой. Мурату не введома была такая птица, но иногда он тоже называл свою любимую жену казаркой. Фазиля тогда улыбалась ему в ответ, вспоминая отцовский дом. Через некоторое время после свадьбы отец Фазили умер, и весь калым достался ее старшему брату Аза-

¹⁸ Шанырак – конструктивный элемент купола юрты.

мату. Первое время тот часто приезжал навестить сестру, отзываясь добрым словом о муже сестры. Мурат понимал, ведь заплатил он золотом, и теперь оно принадлежало Азамату.

Была у Мурата первая жена, бездетная Калима. Незадолго до приезда Фазили он отправил ее к отцу, боялся, что Калима будет вредить его маленькой жене. У отца она прожила недолго, умерла от стыда и позора, и поговаривают, что перед смертью она посылала проклятия на него и его жену. Мурат только посмеивался, когда люди рассказывали ему об этом.

Фазиля подарила ему шестерых детей: старший, Каси, сильно похож на него, дочка Зульфия живет в семье старшего брата Вали, ее отдали, когда ей был год. Родственники вскоре обеднели, и Мурат думал забрать ее домой, но Вали не разрешил. Зачем он это сделал? Вали настоял, у него сыновья, а дочерей не было. Иногда Зульфия, сев на коня, приезжала в аул, и тогда Каси обучал ее и Асию грамоте. Салиха, самая младшая из дочерей, часто остается у Дяу-апы, бездетной жены Касена. Салиха, тихая, чувствительная девочка, совсем не похожа на своих сестер. Асия и Зульфия другие, многого не замечают, все плохое отскакивает от них, не оставляя следа. Асия без внутренних преград, будто вся жизнь, которая есть на земле, бурлит в ней. Бари уже семь лет и совсем маленький Хамит. Скоро Фазиля подарит ему еще одного наследника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.